

© 1992 г.

А.И. ЗИМИН

АРШИНОМ НЕ ИЗМЕРИТЬ...

Распад Союза и обретение Россией суверенитета дали новый импульс размышлениям о судьбе русского и других населяющих страну народов, о поиске оптимальных отношений между ними.

Ценой значительного ограничения своих национальных интересов во имя интернационального долга русский народ обеспечил рост национального сознания всем другим народам Союза и оказался в конце концов перед проблемой нового осмысления своего этнического и геополитического предназначения. В этой связи понятно пробуждающееся желание российской научной и культурной общественности рассмотреть и оценить истоки Русской идеи, определить ее сущность, цементирующую роль в **перестройке** общества, возрождении нации.

Постановка такого рода задачи может только приветствоваться. Вместе с тем ее решение накладывает на исследователя большую ответственность. Она требует глубокой проработки и взвешенной оценки исходного материала, осторожности в суждениях и выводах, особенно там, где затрагиваются национальные честь и достоинство народов.

Не может серьезный исследователь обойтись и без определенной методики, которая служит ему путеводной нитью в лабиринтах исследуемой темы. Возьмем, к примеру, книгу Е.С. Троицкого «Возрождение Русской идеи» (М.: Исида, 1991). Методологическим стержнем ее является понятие Русской идеи. С первых же страниц Русская идея определяется как категория философская (с. 5) и уже этим вызывает по отношению к себе уважение, уважение авансом. Но практика человеческих отношений такова, что любой аванс должен быть отработан, оправдан. В противном случае — потеря авторитета и неустойка. Поэтому после декларирования философской категории надлежит выяснить ее содержание, то, чем она может быть полезна России и русскому народу.

И здесь уместно вспомнить, что у философских категорий в отличие от научных понятий есть важная особенность. В силу предельной степени своей обобщенности они не поддаются логическому определению через род и видовое отличие. Нет для категории такого более общего понятия, под которое ее можно подвести и тем самым определить в системе классификации понятий. Классическое логическое определение для категории не годится. Но выход все-таки есть. Логика философии смогла найти его, определяя категории через их противоположность. Так, например, для сознания это — материя, для количества — качество, для сущности — явление и т.д. Можно и наоборот. С точки зрения логики это одинаково справедливо.

Как же автору, если он желает быть логичным и научным, следовало бы определить «Русскую идею»? Через какую противоположность? Может быть, «не-Русская»? Такая противоположность хотя и логична, но чревата всеми смертными грехами, из которых национализм, шовинизм или русофобство еще не самые страшные. Логически такая противоположность может привести и к откровенному обоснованию геноцида или по отношению к русскому народу, или по отношению к тем, кто не имеет «чести» к нему принадлежать. А это, думается, и для ученого, и для политика, и для гражданина России одинаково неприемлемо. Но как же тогда поступить, чтобы и с логикой не поссориться, и с политикой в конфликт не вступить?

Трудная это задача. Для ее решения автором предпринимаются глубокие обходные маневры, в ходе которых дается перечисление некоторых признаков Русской идеи и тем самым читателю предлагается определенное представление о ее сущности и особенностях.

Первый из перечисленных признаков — наличие национального идеала, предусматривающего «возрождение русскости и самой России, укрепление ее дружбы с другими народами, решение национальных, экономических, социально-политических, духовных, экологических и иных проблем нации» (с. 6—7). Другой состоит в том, что «русские люди не могут существовать без Веры» (с. 7). Третий — патриотизм как «обоснование единства всех классов и слоев общества для блага Отечества» (с. 8). В качестве четвертого можно, пожалуй, назвать соборность, которая детерминирована «самыми глубинными особенностями Руси, психологии ее народа» (с. 8). Есть и другие признаки, однако все они мало приближают нас к строго научному определению сущности Русской идеи. Дело в том, что они говорят о Русской идее и слишком много, и слишком мало одновременно. Причем делается это преимущественно в метафорической, а не строго научной форме. Поэтому при чтении испытываешь двойственное впечатление: во-первых, согласно заявке автора, ждешь определения сущности Русской идеи, но вместо этого на протяжении всей работы встречаешь лишь перечисление того, что, согласно его мнению, может быть к ней отнесено. Солидаризируясь с автором в его желании поднять Русскую идею до статуса философской категории, постепенно испытываешь разочарование от того, что этого не происходит. Замысел и его воплощение оказываются в противоречии, заявка сделана, но не реализована.

На наш взгляд, это главный недостаток книги Е.С. Троицкого. И обусловлен он отнюдь не слабым авторским пониманием темы или некомпетентностью, а сложностью и почти полным отсутствием в современной научно-философской литературе разработок данной проблемы. Ситуация усугубляется тем обстоятельством, что динамика нынешней политической жизни ставит нетрадиционные вопросы, для ответов на которые недостаточно знания исторического прошлого русского народа, его чаяний и идеалов. В сегодняшней духовной жизни идет интенсивная работа по возрождению исконно русских и формированию новых идеалов, определению приоритетных национальных целей и интересов, разворачиваются сложные процессы поиска наиболее оптимальных путей синтеза того исторического национального, что оставалось в небрежении на протяжении ряда последних десятилетий, с тем, что стало достоянием россиян в эти годы, ибо никому не дано их замазать исключительно черной краской, заставить великий народ поверить в то, что жизнь его целиком и полностью определялась своекорыстными интересами кучки заговорщиков. Поэтому совершенно понятно пробуждение у русского народа обостренного интереса к своему далекому и недавнему прошлому, к истокам формирования нации и ее государственности, культуры и духовности.

Вместе с тем было бы преувеличением утверждать, что Русская идея возрождается лишь с обретением Российской Федерацией суверенитета. В нашей стране она никогда полностью не умирала. Даже в годы борьбы с «великодержавным российским шовинизмом» она негласно питала жизнь Советского Союза, взаимоотношения народов в нем. И не знали эти народы ни острой национальной, ни религиозной, ни территориальной, ни правовой розни, чего никак не скажешь о нашем времени, когда под видом национального самоопределения идет безмерное унижение русского народа, своими экономическими, политическими, культурно-интеллектуальными и духовными усилиями обеспечившего выживание и развитие многих народов бывшего Союза. В соответствии с русской традицией, в советский период отношение «старшего» брата к «младшим» состояло в самоограничении и самоотречении, во всесторонней поддержке «младших», чтобы они могли стать на ноги, набраться сил, подготовиться к самостоятельной жизни, обрести собственную государственность. И получилось, как часто случается в жизни семьи. Братья выросли, возмужали и не могут найти лучшего применения накопленным силам, как отплатить за помощь и поддержку юношеской эгоистической неблагодарностью, которая проявляется не в стремлении к самостоятельности, а в желании присвоить себе то, что было общим и создавалось при доминирующей материальной и интеллектуальной работе «старшего».

В такой ситуации самое время вчерашнему «старшему» брату подумать о себе, о своем будущем, перейти от чрезмерной самоотверженности к переоценке своих отношений с выросшими «младшими» братьями, со всей серьезностью отнестись к своему национальному будущему и здоровью. В таких условиях возрождение, новое дыхание Русской идеи как концентрирующей в себе все своеобразие российских интересов представляется естественным и закономерным. И в этой перспективе мысль автора книги о том, что «Русская идея — это, несомненно, объект будущего анализа всего цикла общественных наук» (с. 18), выглядит совершенно правомерной и своевременной. Однако признание этого обстоятельства вовсе не означает признания бесспорности авторского определения, анализа истоков, видения будущего этой идеи.

Дело в том, что в книге Е.С. Троицкого Русская идея, вопреки претензиям автора, выступает не столько в форме строгой метафизической, философской категории, сколько в роли специфического методологического ориентира, которым задается вся совокупность проблем русского (или российского? — На этот вопрос работа не дает ответа.) народа. С этой точки зрения Русская идея — все то, что касается России и ее населения. В этом смысле она прагматична и определена. Причем основу отмечаемой определенности составляет реальность России в качестве геополитического образования. И одновременно Русская идея неопределенна, поскольку переоценка ценностей в сознании населяющих Россию народов осуществляется во многом хаотично, стихийно, что называется «на ощупь». Результаты ее еще аморфны, в них с трудом просматривается кристаллизация того, что, судя по всему, будет определять духовную жизнь России в обозримом будущем. Но процесс этот уже идет, и в нем Русской идее отводится роль знамени, под которым предстоит сплотиться его сторонникам.

Что же касается истоков анализа Русской идеи, то здесь автор руководствуется такой закономерностью развития любой мировой культуры, как «противоборство между традиционализмом и модернизацией» (с. 19). Это противоборство само по себе уже большая социально-философская проблема, которая вполне может быть самостоятельным объектом исследования, даже если ее ограничить исключительно историческими рамками развития России. Для России она во многом усложняется тем обстоятельством, что наша страна формировалась как многонациональное государство, впитавшее в себя культуру Запада и Востока, Севера и Юга. Причем следует признать, что для этих культур Русская идея выполняла модернизирующую роль, а сами они во многом трансформировались под ее влиянием. С другой стороны, Русская идея испытала на себе значительное воздействие культур народов, которые вошли в состав Российской империи, позже — Советского Союза, а теперь — Российской Федерации. Так, например, еще в Средние века Россия многое позаимствовала в культурном отношении (оружие, одежда, архитектурные формы, искусство верховой езды, письменность, формы государственного строительства и т.д.) от кочевников, византийского и польско-литовского государственных формирований, германо-скандинавских народов. Конечно, речь не идет только лишь о подражании, бездумном копировании. Достижения культуры других народов усваивались применительно к русским условиям, творчески перерабатывались в процессе этого усвоения, так, что не замещали собой, а дополняли и развивали свое, национальное. Это характерно для развития любой культуры, и Россия в данном случае не исключение.

Возникали при этом и споры и целесообразности нововведений, заимствований. Многие из них принимали религиозную форму и окраску. В этих случаях они становились особенно острыми. Христианство вытеснило на Руси язычество, но вынуждено было вместе с тем впитать в себя, усвоить применительно к новой идеологии ряд языческих обычаев и обрядов. В результате этого христианство приняло на Руси форму национальной религии, а после свержения ига кочевников отлилось вместе со становлением российской государственности в знаменитую формулу «Москва — Третий Рим». Это была, безусловно, модернизация, которая на долгие годы, столетия определила природу российского традиционализма.

В наше время мы сталкиваемся с аналогичной проблемой. Попытка полностью отбросить выстраданные на историческом пути движения России и ставшие традиционными для нее государственные и религиозные институты завершилась очевидным

поражением. Но и возродить их в полном объеме вряд ли уже удастся. Традиционное для XIX в. подверглось слишком глубокой модернизации, чтобы, очистившись от нее, можно было из системы общественно-политических и культурных отношений XX в. вернуться к социально-идеологическим реалиям прошлого в чистом виде. Так, идеи интернационализма в их марксистской интерпретации пустили на территории бывшего Советского Союза, в том числе и Российской Федерации, глубокие корни, последствия чего для жизни народов еще в полной мере не проявились. Более того, есть все основания полагать, что интернациональное для России и Русской идеи становится традиционным. Без него просто невозможно представить себе демократически обустроенную Россию.

Конечно, теоретически возможен и другой путь — имперское доминирование русского на территории России, укрепление централизованной государственности во имя сохранения геополитической целостности на всей территории страны. Этот путь, очевидно, более традиционен, и вместе с тем он практически не имеет ничего общего с идеей и процессом демократизации общества. Третьего же пути государственного устройства на территориях с многонациональным населением история до сих пор так и не указала. (Но из этого не следует, что такого пути в принципе не может быть.)

Наша Россия переживает трудный период: после распада Советского Союза она по сути своей оказалась без эффективного государственного устройства. Она поставлена в условия необходимости сделать очередной исторический выбор, который определит дальнейшую судьбу и русской нации, и других народов, проживающих на ее территории. Полярные противоположности этого выбора можно обозначить следующим образом. Самобытная национальная культура — культура западная; геополитическая целостность (почва) — национальная однородность (кровь); централизованное государство — региональная самостоятельность. Это основные, но не единственные вехи той системы исторических координат, в которых предстоит определиться России.

Мы назвали крайние точки возможных исторических колебаний. Они достаточно отчетливо обозначаются в современной исторической и общественно-политической литературе. Одновременно они стали объектом ожесточенной политической борьбы, которая вряд ли приведет к абсолютному доминированию одних из них над другими. Ведь нормальный эволюционный путь развития невозможен без компромисса, как невозможна полноценная жизнь в наше время какой-либо страны в полной изоляции от других.

Российские государи в отличие от российских ученых и идеологов осознали эту истину еще несколько веков назад. И Иван Грозный, и Алексей Михайлович (Тишайший), и сын последнего Петр Великий понимали, что Россия не сможет существовать, отгородившись от всего мира православием и его духовно-нравственными ценностями. России надлежало овладеть позитивными научными и культурными достижениями Европы. Ей предстояло освоить европейскую технику, технологию ее изготовления и применения. Россия должна была, как мы сейчас говорим, интегрироваться в мировую культуру.

Слов нет, Россия богата самородными и самобытными талантами, которые не могут не вызывать восхищения. Это таланты от бога. При случае они могли и блоху подковать, но для того, чтобы рассчитать механику «инфузорий», сконструировать и заставить ее танцевать, требовались знания научные, естествознание, которое в России до XVIII в. не было даже известно.

Это не означает, что в России в то время было меньше грамотных людей, чем в Европе. Наоборот. Грамота была весьма широко распространена на Руси. Но она служила чтению и изучению преимущественно религиозной литературы, что ни в коем случае не способствовало проникновению в тайны природы и развитию техники, обусловившей быстрый культурно-экономический расцвет Европы. Петру I приходилось дубиной гнать российских юношей в науку, учить их хорошим манерам, цивилизованному общению. Это была модернизация, которая ложилась на вековую традицию. По результатам ее можно сравнить только с крещением Руси, ибо реформы Петра I положили начало формированию на Руси новой культуры, сближающей ее с Европой, определившей к тому времени направление развития общечеловеческой цивилизации...

Величие культурных преобразований в России, начало которым было положено пет-

ровскими реформами, общепризнано. Но учитывая масштабы страны и ее культурную традицию, главной основой которой было крестьянское хозяйство, их можно считать локальными. Петровские реформы расширили пределы России, способствовали ее превращению в империю, создали на огромной территории невиданные до того очаги культуры — источники просвещения дворянства и народа, но это было только начало, зародыш новой, элитной культуры, основанной на знании, науке, составлявшей мостик к взаимопониманию Запада и Востока.

Была у этого процесса и обратная сторона: в нем преобладало некритическое, подражательное усвоение европейских достижений. Историкам хорошо известно, что наряду с усвоением безусловно полезного результатом такого подражания становилось пресловутое смешение «французского с нижегородским», «мужевластье мод», забвение большинством русской знати национального языка, ее «онемечение». Элитная культура хотя и создавала необходимые условия для диалога России и Европы, в то же время вносила раскол в русскую национальную традицию. Светское противопоставлялось чумазому, мужицкому. Это способствовало тому, что в России шла интенсивная не только социальная, но и культурная поляризация, завершавшаяся время от времени кровавыми столкновениями различных культурных ориентаций. Знаменитые булавинское и пугачевское движения были по сути своей войной традиционной российской крестьянской культуры против ее подавления элитной культурой, насаждавшейся в стране имперской властью, дворянством и чиновничеством. Новое планомерно побеждало. Традиционному приходилось отступать и усваивать предписывавшиеся ему розгами и виселицами уроки.

Последствия этой деятельности можно определить и как модернизацию традиции, и как попытку преодоления ее, и как отрицание. По своему все это было бы верно. Но дело в данном случае не в нюансах определения, а в том, чтобы установить диалог между двумя культурами, для чего требовалось найти единый язык общения. Таким языком и стал язык науки, направленной на изучение естественных и общественных процессов.

Для основной массы российского населения он был «иностранным» языком, большой необходимости в овладении которым не видели не только народные массы, но и большинство представителей привилегированной части общества. Требовалось длительное государственное принуждение для его внедрения, время для осознания его безусловной пользы. Не этим ли обстоятельством обусловлены столь затянувшиеся в XIX — начале XX вв. споры между почвенниками и западниками, которые в несколько модернизированной словесной оболочке возрождаются в наше уже время? Опять в России идут дискуссии о преимуществах западного или самобытного пути развития. Вновь теперь уже «патриоты» и «демократы» не скупаются на взаимные обвинения, не жалеют времени на поиск «врагов» и навешивание друг другу оскорбительных, подогревающих страсти ярлыков. Общественное мнение раскаляется, но это вряд ли способствует возвеличиванию Русской идеи и росту ее популярности.

Европейская наука, пусть с большими трудностями и довольно поздно по европейским масштабам, но прочно вошла в ткань отечественной культуры. На рубеже двух веков она стала преимущественным достоянием сравнительно небольшого круга людей, называемого образованным классом. По сути своей это была национальная элита, состав которой не исчерпывался только наследственными представителями родового дворянства, чиновничества, купечества и духовенства. Этот класс не имел для своего существования сословных ограничений. Он постоянно расширялся за счет талантливых представителей всех слоев российского общества, прокладывая себе путь к среднему и высшему образованию, но вместе с тем оставался по величине очень скромным на фоне почти полной неграмотности остального населения: Этот класс был носителем элитной культуры, приобщавшей его к ценностям европейской цивилизации. След, оставленный им в отечественной и зарубежной науке, технике, литературе, промышленности и архитектуре, общезвестен. Благодаря ему Россия постепенно, но прочно интегрировалась в мир западной цивилизации.

Но доминирующей в России оставалась традиционная крестьянская культура, специфическое мировоззрение, мироощущение представителей которой составляли основу

традиционного образа жизни. Была, правда, еще и городская, мещанская культура — промежуточное звено между элитной и крестьянской культурами, включавшая в себя в трансформированном виде их элементы.

Однако стратегическое противоборство между модернизмом и традиционализмом определялось в пределах противостояния элитной и крестьянской культур. Для их взаимно оплодотворяющей диффузии требовалось время, которого Россия не получила. В ходе революционных катаклизмов представители элитной культуры были почти полностью сметены, а вместе с ними деградировала и сама эта культура.

Не устояла и крестьянская культура. Еще задолго до революционных событий начала XX в. эта традиционно консервативная, культура была готова к модернизации. Крестьянство заметно трансформировалось после 1861 г. Еще интенсивнее процесс продолжался в ходе столыпинских реформ. В результате в начале XX в. традиционно народное оказалось подготовленным к усвоению революционных идей, рожденных на Западе и привнесенных в Россию представителями ее образованного класса. Идеиное оружие классового боя, родившееся в недрах западной культуры, оказалось в руках рабочих и крестьян России и было использовано для подавления и уничтожения представителей отечественной, в основе своей чуждой, как тогда многим казалось, народу элитной культуры. Традиционное народное было существенно модернизировано под влиянием марксистско-ленинских идей. Новые веяния вели его к такой модернизации, от которой уже нет возврата к безнадежно утерянному традиционному крестьянскому быту.

Октябрьская революция дала импульс к формированию качественно нового типа культуры. И справедливость требует признать, что вне зависимости от того, как его оценивать, он был создан. На протяжении семи десятилетий в стране внедрялась новая форма собственности и соответствующая ей система социальных отношений. Россиянам настойчиво и небезуспешно внушалось, что победила новая, прогрессивная пролетарская идеология — подлинно научная, а потому единственно верная. Одновременно культивировалась коренная модернизация прежних форм жизни на основе марксистского учения. Родившийся на Западе, на материале западной культуры идеал социально-политического и экономического преобразования общества апробировался репрессивными средствами в условиях российских культурных реалий.

Результат нового насильственного соединения двух культур в принципе был предсказуем. Должна была произойти и произошла трансформация традиционного как в марксистском движении, так и в российской культуре. Распространение в России марксизма — незаурядного порождения западной цивилизации — привело к его деградации, сначала идеологической, а вслед за тем и институциональной. Но и традиционное для России подверглось за годы культа марксистской идеологии изменениям. Более того, оно почти полностью уничтожено и теперь уже, пожалуй, нет цивилизованных условий и необходимости для его возрождения в былом виде. Оно существенно модернизировалось и само уже стало традиционным, испытывающим новый натиск модернизма или западного или российского происхождения.

Однако можно ли считать, что традиционная народная культура подчинилась марксизму, усвоила его настолько, что именно он стал руководством к действию?

Об этом не может быть и речи. Разумное, критическое освоение марксизма требовало от представителей народной культуры соответствующей, освященной традицией культурной подготовки, достаточно высокого уровня образования, развитой и широко практикуемой методики оперирования научным категориально-понятийным аппаратом. А вот этого-то подавляющее большинство представителей традиционной народной культуры было лишено. Зато оно владело сильно развитым, веками культивировавшимся на Руси чувством справедливости, общинного и артельного единства, товарищества, своей мирской силы. Этому вполне соответствовали марксистские идеи о несправедливости эксплуатации трудящихся и о справедливости борьбы против нее, против «мироедов», о классовом единстве, о великой освободительной миссии пролетариата и др.

Многое здесь вырывалось из контекста, абсолютизировалось и вместе с тем вульгаризировалось. И на этой основе строилась новая социальная и духовная реальность —

великий Чевенгур — прекрасно понятый и блестяще описанный Андреем Платоновым.

Семьдесят с лишним лет существования советской власти обусловили радикальную модернизацию традиционных укладов российской жизни и смогли вылиться в определенную традицию, забвение или игнорирование которой может оказаться столь же пагубным для отечественной истории, как и ее некритическое «упразднение» в октябре 1917 г.

В этой связи вновь актуальным становится для России феномен патриотизма, его традиционное и модернизированное содержание. Поэтому мысль автора о том, что «Русская идея выступает как призыв к возвращению к проверенным веками основам Отечества, оптимизму, духовности и справедливости как неотъемлемым чертам русской души, гармонии и соборности в среде русских и других россиян, всех народов страны» (с. 55), представляется достаточно справедливой. Эти основы имеют все освященные историей права на то, чтобы стать фундаментом национального патриотизма. От их возрождения во многом будет зависеть возрождение России в качестве геополитического единства, связывающего между собой экономическими, политическими, культурными, кровнородственными и другими отношениями различнейшие этносы.

По сути своей Русская идея в ее современном варианте включает в себя особенности не только собственно русского, а российских народов, ибо русская нация формировалась на огромных территориях в процессе взаимодействия славянских племен с угро-финскими, тюркскими, германскими и другими племенами и народами. Шло не поглощение славянскими элементами инородных, а формирование качественно нового этнического образования, где при выработке и развитии общности цивилизационных ценностей оставалось место для культурной самостоятельности, народной традиции. Совместное проживание народов на огромных территориях в рамках единого государства вело к выработке на негосударственном уровне идеи общечеловеческой ценности. Россия, может быть, единственная в мире страна, которая не знала культа расизма, расовой дискриминации.

Вопреки воинственным выступлениям современных неопатриотов и неославянофилов не может быть и речи о чисто славянском происхождении великорусской нации. В исторической ретроспективе она есть результат постепенной колонизации славянскими племенами, двигавшимися несколько веков подряд в северо-восточном и восточном направлениях, гигантских территорий Восточной Европы и Азии. Русское как национальный феномен и сама Русская идея выковывались в ходе этого движения, а не привносились в готовом виде на осваиваемые новые территории. Не всегда это движение было мирным, но представители формирующейся нации никогда не доводили дело до полного уничтожения «инородцев» ради захвата принадлежавших им территорий. На Востоке хватало земли и богатств для взаимовыгодного совместного их освоения православными, язычниками, мусульманами, ламаистами, представителями других религиозных конфессий. Не в совместном ли проживании на гигантских территориях и их освоении заключается феномен столь терпимого отношения русских людей и официальных властей к различным религиозным культурам? В какой еще стране Запада или Востока светские власти при наличии государственной религии «терпели» иные религиозные убеждения подвластных народов, позволяя им даже в своих столицах открывать иноверческие религиозные храмы? Не здесь ли скрываются корни знаменитой русской (или скорее уж российской) соборности как существенной, отличительной национальной черты?

Это действительно сугубо национальная черта, но сформировалась она в процессе совместного проживания народов славянского и неславянского происхождения, обусловившего формирование нации. Исторически получилось так, что российская нация всем ходом своей обыденной жизни оказалась способной к выработке основ межнационального общения, осознания общечеловеческих ценностей, научилась их повседневной практической реализации. «Россия — самая не шовинистическая страна в мире, — писал Н. Бердяев. — Национализм у нас всегда производит впечатление чего-то нерусского, наносного, какой-то неметчины... В русской стихии поистине есть какое-то национальное бескорыстие, жертвенность, неведомые западным народам... Российская интеллигенция всегда с отвращением относилась к национализму и гнушалась им, как нечистью. Она исповедывала исключительно сверхнациональные идеалы... Национален в России именно ее сверхна-

ционализм, ее свобода от национализма; в этом самобытна Россия и не похожа ни на одну страну мира» («Судьба России»).

Эти бердяевские наблюдения говорят в пользу того, что у русского народа были внутренние основания, чтобы естественно принять как руководство к действию идею интернационализма, когда наступил период ее широкого распространения в массовом сознании. Тот же Н. Бердяев с полным правом мог сказать: «Самый интернационализм русской коммунистической революции — чисто русский, национальный». («Истоки и смысл русского коммунизма»).

В этом смысле Русская идея при всей ее безусловной национальности несет в себе мощный импульс всечеловечности, открытости к диалогу с другими нациями и народами, априорного уважения их самобытности и индивидуальности, культурной ценности. Вряд ли есть необходимость особо поддерживать общечеловеческую ценность и значимость этой черты русского национального характера. Однако на практике она порой в российской истории принимала да и сейчас принимает одиозные формы.

В Русской идее как бы заложено ее самоотрицание, отрицание национального во имя всечеловеческого. И вместе с тем это всечеловеческое есть следствие развития именно национальных особенностей российской культурно-исторической традиции. Всечеловеческое традиционно для России. После октября 1917 г. оно было модернизировано, выражено в рационально-логической форме на основе марксистских научных разработок, получило название интернационального и в таком виде уже обрело статус традиционного. Однако жизнь продолжается, и теперь уже интернациональное стало объектом модернизации, проявляющейся чаще всего как его безусловное логическое отрицание в качестве ненационального, привнесенного на русскую почву чуждой ей, инородной, «бесовской» культурной традицией.

Как это ни парадоксально, но в данном случае под предлогом борьбы за восстановление русской национальной традиции отрицается именно сама эта традиция, представить которую без идеи всечеловечности на населенной многими народами территории России абсолютно невозможно.

Конечно, обсуждение судьбы Русской идеи, ее содержания, объединяющей и организующей роли может быть продолжено. Для этого существует достаточно оснований. Пробуждающаяся мысль россиян в своем внутреннем противоборстве настойчиво ищет ответы на нелегкий вопрос о будущем России. И эти ответы будут найдены. Залогом тому вся российская история. Их даст сама жизнь великой русской нации, на долю которой выпадали сложнейшие испытания, не единожды требовавшие от нее напряжения всех ее духовных и физических сил, творчества, терпения, мужества и решительности, осторожности и ответственности, беспощадности и милосердия — всех тех качеств, которые свойственны человеку, непрерывнодвигающемуся от дикости и варварства к культуре и цивилизации, к пробуждению своих высших духовных потенций, к осознанию своей космической судьбы, которая должна быть реализована в земном измерении.